

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Н. И. Губанов

г. Тюмень, Россия

© 2017 г. Н. Н. Губанов

г. Москва, Россия

РОЛЬ МЕНТАЛИТЕТА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ГИПОТЕЗА

Аннотация: Категория менталитета, или ментальности, обладает дополнительными эвристическими возможностями по сравнению с традиционными категориями о духовной жизни. Она служит интегральной характеристикой уникальности духовного мира человека, обеспечивает понимание особого способа восприятия субъектом мира, дает объяснение специфического типа его активности — поведения, общения, деятельности. Поскольку менталитет определяет характер активности социальной группы или индивида, направленность, специфику человеческой активности, то его, менталитет, можно трактовать в качестве ядра групповой и личностной культуры, как стратегическую культурную программу субъекта. Одним из основных противоречий общества является противоречие между менталитетом, содержащим в себе новые культурные формы, и социальными отношениями. В ходе индивидуального культурного творчества в виде ответа на вызовы истории в менталитете интеллектуальных элит зарождаются новые ментальные особенности. Они представляют собой инновационные программы человеческой активности — деятельности, поведения, общения. Возникшие ментальные особенности распространяются в обществе и входят как элементы в групповые менталитеты. Появившееся противоречие между массовым менталитетом и существующими социальными отношениями создает конструктивную напряженность. Ее преодоление посредством воспроизводственной деятельности субъектов может вызывать становление более прогрессивных социальных отношений. Старым элементам менталитета, в свою очередь, присущи социальная инерция и консервативность. Они могут препятствовать становлению новых общественных отношений. Поэтому менталитет воплощает в себе дуальную оппозицию традиции и новации. Он является одновременно и стимулирующим общественный прогресс фактором, и фактором, который сдерживает чрезмерно крупные и чрезмерно быстрые общественные преобразования.

Имеется множество движущих сил развития общества: преобразования в способе производства материальных благ, в культуре вообще и в системе образования в частности, в производстве научных знаний, в технике и технологиях. Однако наиболее существенный из этих факторов, лежащий в основе иных социальных детерминант, по-видимому, представлен изменениями в менталитете, которые порождают новые способы воспроизводственной деятельности людей в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества.

Ключевые слова: менталитет; культура; вызовы истории; социокультурное противоречие; конструктивная напряженность; функции менталитета; новация и традиция.

Информация об авторах:

Николай Иванович Губанов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории, Тюменский государственный медицинский университет, Одесская ул., д. 54, 625023 г. Тюмень, Россия. E-mail: gubanov48@mail.ru

Николай Николаевич Губанов — доктор философских наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, 2-я Бауманская ул., д. 5/1, 105005 г. Москва, Россия. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.10.2016

Дата публикации: 15.03.2017

Категория менталитета, или ментальности, в советском общественном знании не фигурировала. Познавательные и регулирующие функции духовного мира коллективного и индивидуального субъекта описывались и объяснялись посредством категорий общественного, группового, индивидуального, массового сознания, субъективной реальности, идеального, общественного настроения, общественной психологии, мировоззрения и идеологии. В сравнении с ними понятие менталитета обладает дополнительными эвристическими потенциями. Во-первых, оно служит интегральной характеристикой уникальности духовного мира человека, во-вторых, обеспечивает понимание особого способа восприятия субъектом мира и, в-третьих, дает объяснение специфического типа его активности — поведения, общения, деятельности [10].

Менталитет мы определяем как «как возникшую на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта систему качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций» [9, с. 24]. Учитывая эвристические возможности категории менталитета, некоторыми авторами менталистика рассматривается как самостоятельное научное на-

правление [2]. Наиболее важным, но и наименее разработанным вопросом в менталистике является вопрос о способах функционирования менталитета. Предложенный вариант представляет собой социокультурную гипотезу функционирования менталитета. И, как любая гипотеза, она должна служить объектом критического рассмотрения.

Догадки о большом значении групповой и индивидуальной ментальности для функционирования общества высказывались очень давно. Еще в конце XVIII в. И. Г. Гердер писал, что народный дух (в современной интерпретации — национальный менталитет) служит движущим стимулом развития каждой страны [8]. Э. Фромм считал, что понятие социального характера (соответствующее нашему понятию ментальности) выполняет определяющую роль в объяснении социальных процессов [25]. Ж. Дюби отметил, что социальные отношения выступают в качестве функции менталитета, передающегося от одного поколения другому [12]. Б. С. Гершунский полагает, что мир изменяется поступками людей, а последними «правит» менталитет. В связи с этим «менталитет социума играет решающую роль в поведении народных масс. Именно он порождает, в конечном итоге, геополитические и социально-экономические сдвиги исторического масштаба в развитии <...> социумов и человеческой цивилизации» [7, с. 60].

В. П. Визгин пишет: «Ментальность служит средством анализа и объяснения в гуманитарном знании, особенно в той мере, в какой его предмету присуще динамическое историческое измерение» [6, с. 525]. Т. В. Наумова отмечает: «Воздействие менталитета явно можно проследить практически во всех сферах человеческой активности: он определяет большинство норм и стандартов социального поведения, формирует многие стереотипы и предпочитаемые реакции на реалии бытия <...> понятие ментальности, или менталитета, успешно может быть использовано в изучении и объяснении массовых социокультурных процессов» [16, с. 65].

По мнению З. М. Оруджева, «истинная решающая сила истории — не армия, не экономика, а способ мышления эпохи <...> Обществом всегда «управляет» исторически определенный способ мышления» [19, с. 22–23]. Способом мышления эпохи, по нашей концепции, служит рациональный компонент коллективного менталитета. Оруджев правильно отмечается его роль в процессе истории. Но и другие элементы менталитета (мотивационный, перцептивный, эмоциональный, волевой) влияют на развитие культуры и общественных отношений.

В. Г. Немировский утверждает: «Ведущие причины любых социальных событий, в том числе — распада СССР и потенциального распада России, лежат на информационном уровне социума, то есть в сфере массового сознания» [17, с. 14]. В. С. Степин пишет: «Кардинальные перемены социальной жизни предполагают изменение смыслов мировоззренческих универсалий, критику прежних базисных ценностей и их замену новыми. Духовные революции обычно предшествуют революциям политическим» [24, с. 30]. И. В. Емелькина считает, что менталитет в ходе своего развития приобретает значительную самостоятельность по отношению к социуму и приобретает возможность активного воздействия на него [13].

Соглашаясь с положениями Гердера, Фромма, Дюби, Гершунского, Визгина, Немировского, Наумовой, Степина, Оруджева, Емелькиной, заметим, что эти положения, по нашему мнению, верны, но недостаточно аргументированы и абстрактны. Конкретнее роль ментальности в социокультурной динамике можно раскрыть, на наш взгляд, если использовать разработанную А. С. Ахиезером социокультурную концепцию развития общества [3]. Не признавая марксистское положение о главном значении экономики для общества, он не принимает также положение о главной роли технологий и техники как движущих сил общественного развития. Ахиезер предложил другое понимание движущих стимулов общественного развития.

Согласно его концепции, главным движущим стимулом общественного развития служит противоречие, которым обладает воспроизводственная деятельность социального субъекта — противоположность между ценностями, потребностями, возможностями социального субъекта и воспроизводимым в ходе его деятельности объектом. Конкретная форма данного противоречия представлена так называемым социокультурным противоречием — противоположностью между особенностями культуры и общественными отношениями (отношениями в широком смысле — половозрастными, профессиональными, этническими, нравственными, политическими, экономическими). Вопрос о сущности основного противоречия общества недостаточно разработан. Быть может, то, что, по мнению Ахиезера, есть самое основное противоречие, служит лишь одним из основных, что и следует иметь в виду.

В понимании сущности культуры мы разделяем информационно-семиотическую трактовку, которую дали ей Степин, Ахиезер и др. Степин полагает, что культура может быть представлена как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [22, с. 61]. Ахиезер пишет: «Культура выступает как всеобщее основание воспроизводственной деятельности, как ее программа» [3, с. 482]; «Культура <...> играла роль организованного накопленного опыта воспроизводственной деятельности человека <...> культура для ее субъекта-носителя всегда есть программа деятельности этого субъекта, программа следования накопленному опыту» [4, с. 30].

А. С. Кармин отмечает: «Культура — это мир социальной информации, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств <...> культура выступает как своего рода информационное обеспечение общества во всех областях его жизни» [14, с. 52]. Культура может быть представлена в качестве информационных структур общества. Важными их компонентами, на взгляд Степина, являются категории культуры, или мировоззренческие универсалии, обеспечивающие функционирование программ человеческой деятельности [23].

Эти универсалии в социуме выполняют функцию, аналогичную функции генов в организмах. Они интегрируют в когерентную систему сложный набор разных явлений культуры, служат базисными структурами

социокода, своего рода ДНК и РНК общественной жизни. Смыслы универсалий (категорий «истина», «время», «пространство», «космос», «природа», «человек», «справедливость», «свобода» и др.) формируют целостный образ мира, выражают иерархию ценностей данного вида культуры. Они определяют, какие элементы общественного опыта должны транслироваться далее, а какие нет. Благодаря этому ими определяется, какие целевые установки станут в основном регулировать деятельность, поведение и общение людей, формируя их общественное существование. Кроме перечисленных универсалий, называемых духовной культурой и осуществляющих самое общее управление деятельностью, в культуре есть нормы и знания, которые регулируют частные виды активности. Их обычно именуют технологической культурой.

Таким образом, культура — это надбиологические программы трех форм активности людей: их общения, поведения и деятельности. Менталитет определяет характер активности социальной группы или индивида, направленность, специфику человеческой активности. Поэтому его, менталитет, можно трактовать в качестве *ядра групповой и личностной культуры, как стратегическую культурную программу субъекта*. Меткую характеристику ментальности «как свернутый в устойчиво воспроизводимых когнитивных структурах геном культурной системы, его психическую квинтэссенцию» [20, с. 23] дал А. А. Пелипенко. Изложенное позволяет согласиться с Ахиезером в том, что «культурология как наука о культуре — этой особой форме человеческой реальности — имеет своим предметом сдвиги ментальности» [3, с. 276]. «Изменения <...> в культуре, — справедливо отмечает Н. И. Киященко, — происходят на базе изменения ментальности социума...» [15, с. 63], т. е. новации в культуре стимулируются ментальными изменениями.

На основе изложенного можно предположить, что *одним из основных противоречий общества служит противоречие между менталитетом и социальными отношениями*. Любой социум может существовать, пока он может посредством напряженной воспроизводственной деятельности удерживать или преодолевать это противоречие в пределах, необходимых для объединения данного социума. В социокультурной динамике функционирование менталитета можно описать приблизительно таким образом. В процессе развития общество непрерывно испытывает воздействие вызовов истории. Ими являются «факторы, ставящие жизнь общества под угрозу в результате различного рода **Конфликтов**, появления новых массовых дискомфортных идей, новой технологии, роста **Экологических проблем**, конфликта **Культур** и т.д. Угроза **Дезорганизации**, роста **Дискомфортного состояния**, кризисов, **Катастроф** заставляет людей искать принципиально новые решения» [3, с. 113]. Современные вызовы истории представлены глобальными проблемами, ставящими перед человеческой цивилизацией необычайно сложные задачи. В качестве ответа на вызовы истории в менталитете духовной элиты возникают не существовавшие до этого ментальные особенности.

Речь идет не о сознании творцов, а об их менталитете, так как в составе сознания именно менталитет обуславливает новизну, оригинальность всякой деятельности и ее направленность. Новые ментальные осо-

бенности появляются как итог креативной деятельности, а общественные условия служат фоном, на котором реализуется творчество. Осмысливая социальные условия и прошлый опыт, творцы создают новые культурные смыслы. Перемены в обществе обеспечиваются сравнительно небольшой его частью — интеллектуальной элитой, широкая общественность всегда несколько запаздывает в восприятии, оценках и реализации нового. Чем более масштабной является личность, тем более значительное воздействие она оказывает на менталитет социальной общности. Наиболее ощутимым в истории бывало воздействие на менталитет масс со стороны основателей новых конфессий — Конфуция, Будды, Христа, Магомеда. Их деятельность послужила началом новых культурных типов.

В похожих социальных условиях могут порождаться и сходные культурные смыслы. К примеру, золотое правило морали почти одновременно возникло в нескольких местах планеты. В возникновении культурных новаций особенно большую роль играет философия. Отметим 2 момента: 1) экспликация универсалий культуры посредством философской рефлексии; 2) логическое оперирование с категориями философии как идеальными объектами, что позволяет вырабатывать их новое содержание. «Философское познание способно генерировать новые мировоззренческие идеи и тем самым вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни» [24, с. 31]. В переломные периоды эти возникшие идеи становятся своеобразными катализаторами и генераторами литературных произведений, художественной критики, публицистики, появления новых правовых, политических, религиозно-нравственных идей, которые внедряются в общественную практику.

Культурная новация в виде новой ментальной особенности вначале возникает у отдельных людей как ситуативное разрешение важной в то время проблемы. Затем новация закрепляется, становится устойчивой, распространяется в обществе и в итоге становится элементом групповой ментальности. Превращение ментальной особенности индивида в часть коллективной ментальности — трудный и сложный процесс. Он может отличаться борьбой, временным непониманием, преследованием творцов новых идей и даже иметь для них трагический исход.

В процессе генезиса инновационных ментальных особенностей выделяют 4 этапа: 1) стимулирование инноваций — творческие личности сознательно или бессознательно принимают общественный заказ на решение актуальной экзистенциальной проблемы и приступают к творческому поиску; 2) создание инновационных смыслов культуры; в этих смыслах содержатся варианты решения экзистенциальной проблемы; 3) конкурс продуктивности и ментальной приемлемости новаций; согласие с новой идеей и ее распространение зависят от ментальной готовности масс, а не только от ее эффективности; формой отбора новаций является внутрикультурный диалог как условие развития любого социума; такой диалог производит становление любых новаций — идей, ценностей, ритуалов и обычаев, технологий. «В ходе диалога разворачивается важный процесс тестирования конкретного новшества на соответствие базовым ценностям, эффективность, близкие и отдаленные последствия и т.д.» [27, с. 16]; посредством диалога

происходит модификация новации и адаптация к особенностям культуры данного общества; 4) вхождение победившей идеи в социальную практику, благодаря чему возникают новые виды деятельности и новые профессии.

Те инновационные элементы менталитета, которые победили в социальном конкурсе, выступают в качестве новых форм культуры — программ деятельности в научной, религиозной, правовой, экономической, политической, нравственной сферах. В целом же менталитет выступает как глобальная программа человеческой активности. Между инновационными ментальными особенностями, в которых воплотились новые культурные формы, и имеющимися социальными отношениями возникает противоречие. Это противоречие создает особенное состояние, именуемое Ахиезером конструктивной напряженностью. Оно может преодолеваться посредством соответствующей воспроизводственной деятельности группового субъекта.

Когда воспроизводственная деятельность конструктивна, тогда она обуславливает установление более совершенных социальных отношений в сравнении с существовавшими раньше. Подтверждения этому обнаруживаются в любом периоде истории страны. Так, Оруджев пишет: «Победители-декабристы привезли из побежденной Франции идеи, взорвавшие сначала крепостничество <...>, а затем и саму монархию» [19, с. 22]. В 80-е гг. XX в. в менталитете части правящей элиты советского общества во главе с М. С. Горбачевым возникла идея о необходимости перестройки. Эта идея вошла в массовый менталитет, вызвала большой энтузиазм у населения и стимулировала политические и экономические реформы. Но впоследствии в ходе непрофессиональной и нечестной приватизации уровень жизни большей части населения стал понижаться, массовая ментальность начала тормозить использованные модели реформ и инициировать преобразования, более выгодные массам.

Таким образом, если происходит разрешение противоречия между инновационными особенностями менталитета и социальными отношениями, то социум поднимается на более высокую ступень своей динамики. Следует подчеркнуть, что установление более прогрессивных социальных отношений требует превращения соответствующих им культурных смыслов в устойчивые компоненты массовой ментальности. «Социальное масштабное преобразование будет именно таким, каким оно соответствует глубинной культурно-ментальной основе человека» [5, с. 85]. И в последующем сформировавшиеся социальные отношения станут сохранять стабильность, если их будет поддерживать воспроизводственная деятельность масс, основывающаяся на их ментальности. Итоговый результат исторического процесса, в конечном счете, определяется деятельностью миллионов, однако первоначально он инициируется духовной и политической элитой.

Старым элементам менталитета, в свою очередь, присущи социальная инерция и консервативность. Они могут препятствовать становлению новых общественных отношений. Таким образом, менталитет воплощает в себе дуальную оппозицию традиции и новации. *Менталитет является одновременно и стимулирующим общественный прогресс фактором, и фактором, который сдерживает чрезмерно крупные и чрезмерно быстрые общественные преобразования.* Существует различие между ментальностью

создателей инновационных культурных смыслов и ментальностью масс. В ментальности творцов, представляющих интеллектуальную элиту общества, более выраженным является креационный компонент в сравнении с традиционным, в ментальности масс наоборот: традиция превалирует над новацией.

Обе внутренние противоположности ментальности — традиция и новация — необходимы. Необходим и своеобразный баланс, равновесие между ними. Существует разумная мера инноваций (шаг новизны, по терминологии Ахиезера) — степень допустимых нововведений, не нарушающая стабильное состояние социума. Чрезмерная новизна, к примеру, поспешные непродуманные реформы, может привести к деструктивным процессам с последующим распадом социума. Существует также разумная мера традиционности, консерватизма. Чрезмерный консерватизм тоже имеет отрицательное значение: он может вызвать застой, накопление нерешенных проблем, деструктивные процессы, которые будут способны привести к разрушению данного социума. Этому есть примеры в истории, в том числе супердержав.

Менталитет, подобно всему духовному миру человека, обладает информационной сущностью. И он, как любая информация, характеризуется отражательной и регулирующей функцией. Регулируя активность субъекта, менталитет может способствовать либо сохранению имеющихся социальных отношений, либо их изменению. В первом варианте менталитетом воспроизводятся привычные образцы деятельности, во втором — создаются инновационные программы деятельности. Соответственно общую регулирующую функцию менталитета можно подразделить на его две социокультурные подфункции: 1) обеспечение единства и преемственности в развитии социальной общности посредством устойчивости поведения и воспроизводственной деятельности людей; 2) инициирование общественного прогресса способом смены ментальных особенностей этой общности на более прогрессивные. При условии стабильных социальных отношений приведенные функции ментальности сбалансированы. Кроме этих двух функций менталитет выполняет еще функции осуществления социальной самоидентификации субъектов, формирования социальной солидарности и обеспечения единства социальной общности.

Мы отмечали слабую изученность процесса самодетерминации менталитета, возникновения в нем инновационных культурных смыслов в ходе творческой деятельности субъекта [9]. Недостаточно изучена и функция менталитета, состоящая в стимулировании общественного прогресса. Иногда менталитет представляют как полностью консервативный социально-психологический фактор. А некоторые авторы вообще отрицают активную, продуцирующую социальный прогресс функцию ментальности. Например, М. Ю. Шеваковым отмечается: «Функция менталитета в общественном сознании состоит в обеспечении механизма стабильности, а не механизмов изменения» [26, с. 20]. Это положение повторяет О. А. Орлов.

Теоретически такая позиция значительно обедняет категорию ментальности, в методологическом же отношении она препятствует выявлению причин прогрессивных социокультурных изменений. Динамика социокуль-

турных образований включает как вертикальную трансляцию традиций от одного поколения к другому, так и культурогенез, культурную диффузию, трансформацию и реинтерпретацию культурных явлений. Указанные процессы, особенное значение среди которых принадлежит культурогенезу, происходят благодаря функционированию менталитета духовной элиты, правящей элиты, интеллигенции, народных масс. Совокупность отмеченных процессов стимулирует социальный прогресс.

В составе социальной общности отдельные социальные группы могут иметь свои ментальные особенности — более и менее прогрессивные. Сравним, допустим, менталитеты ученых и криминальных элементов. В ментальности разных социальных групп также может доминировать либо традиционный, либо креационный компонент. В. В. Денисов пишет: «Подтверждается закономерность, согласно которой сознание отстает в своем развитии от бытия, менталитет меняется медленнее, чем условия жизни» [11, с. 28]. Мысль о такой «закономерности» возможна при двух допущениях: если считать менталитет однородным и признавать лишь его стабилизирующую функцию. При учете того, что ментальность — единство новации и традиции, необходимо сделать заключение об опережении менталитетом бытия в одних отношениях и его отставании в других. Ментальность создателей новых смыслов и те компоненты массовой ментальности, в которые уже вошли новые смыслы, опережают бытие, иные же компоненты массовой ментальности отстают от изменений бытия.

В некоторых условиях ментальность может инициировать не прогресс, а регресс общества. Такое возможно при установлении тоталитарных режимов. При этом диктатор и правящая элита посредством тщательно продуманной дезинформации внедряет в массовый менталитет идеи, объективно не соответствующие интересам человечества и своего народа. К таким, к примеру, относятся идея интеллектуального превосходства придуманной арийской расы. Аналогичной следует признать идею НАТО о распространении в мире «демократии» с помощью насилия, бесчеловечную идею «гуманитарных бомбардировок», которая может погубить человечество. Деструктивное воздействие на общество менталитета правящей социальной группы проявилось в виде невообразимого аморализма, сокращения населения, роста преступности, падения производства, разрушения науки в результате гайдаровско-чубайсовско-немцовских реформ. Р. Х. Симоняном проанализированы возможные причины негативных последствий реформ: особенности менталитета россиян, нерентабельные предприятия, неготовность населения к реформам, отсутствие экономической теории о переходном от социализма к капитализму периоде, слабая финансовая помощь Запада, слабый частный сектор, неразвитый средний класс [21]. Им аргументированно показано, что основная причина негативного итога реформ — особый субъективный фактор, т. е. особенности менталитета социальной группировки, которую возглавлял Б. Н. Ельцин и которая осуществляла реформы в своих корыстных целях.

Еще более впечатляющий пример отрицательного воздействия менталитета на общество представляет финансово-экономический мировой кризис. «Кризис, — пишет Э. Агацци, — в котором не нехватка передо-

вых и математически надежных экономических теорий (в течение ряда лет у нас были нобелевские лауреаты по экономике), и не нехватка сложных симуляций и компьютерного моделирования, а отсутствие чувства личной ответственности и моральной устойчивости крупных финансовых менеджеров лежали в основе гигантских экономических потрясений» [1, с. 16]. Ментальные особенности сравнительно малой группы недостойных людей послужили причиной грандиозных экономических и иных потерь в мире.

Заключение. Имеется множество движущих сил развития общества: преобразований в способе производства материальных благ, в культуре вообще и в системе образования в частности, в производстве научных знаний, в технике и технологиях. Однако наиболее существенный из этих факторов, лежащий в основе иных социальных детерминант, по всей видимости, представлен изменениями в менталитете, которые порождают новые способы воспроизводственной деятельности людей в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.
- 2 Акопов Г. В., Рулина Т. К., Привалова В. М. Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее / под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006. С. 453–455.
- 3 Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. I. 804 с.
- 4 Ахиезер А. С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29–45.
- 5 Барулин В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии. М.: Онега, 1994. 256 с.
- 6 Визгин В. П. Ментальность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 525.
- 7 Гершунский Б. С. Менталитет и образование. М.: Изд-во Института практической психологии, 1996. 144 с.
- 8 Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 705 с.
- 9 Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–32.
- 10 Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Вызов Аполлона и образовательный потенциал общества // Гуманитарный вестник. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. Вып. 4 (42). С. 4.
- 11 Денисов В. В. Политическая культура. Теория и практика // Философия и общество. Волгоград: Учитель, 2006. № 1. С. 19–30.
- 12 Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и ре-

- фератах / под ред. Е. М. Михиной. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 1996. С. 18–21.
- 13 Емелькина И. В. Российский менталитет: сущность, объем понятия и социальная роль: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 52 с.
- 14 Кармин А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вестник РФО. М.: Изд-во Сидипрессарт, 2005. № 2. С. 49–62.
- 15 Киященко Н. И. Культура гражданского общества // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 62–66.
- 16 Наумова Т. В. Менталитет как базовая категория в объяснении особенностей ценностного сознания современной российской молодежи // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. М.: Изд-во МГУ, 2001. № 1. С. 65–75.
- 17 Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. М.: Наука, 2006. № 2. С. 13–19.
- 18 Орлов О. А. Этнопедагогика и этнопсихология. URL: http://1987.ucoz.org/index/lekcija_5/0-28 (дата обращения: 04.09.2012).
- 19 Оруджев З. М. Способ мышления эпохи и принцип априоризма // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 18–33.
- 20 Пелипенко А. А. Теоретическая культурология в эпоху кризиса культуры // Человек. М.: Наука, 2010. № 4. С. 12–27.
- 21 Симонян Р. Х. Фактор объективных условий в переходе от социализма к капитализму // Вопросы философии. М.: Наука, 2012. № 11. С. 163–172.
- 22 Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61–71.
- 23 Степин В. С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. М.: Изд-во Сидипрессарт, 2005. № 4. С. 10–24.
- 24 Степин В. С. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 27–31.
- 25 Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя / пер с англ. Г. Ф. Швейник. М.: АСТ, 2004. 571 с.
- 26 Шеваков М. Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1994. 21 с.
- 27 Яковенко И. Г. Диалог через противостояние — фактор российской истории // Философские науки. М.: Гуманитарий, 2010. № 2. С. 15–20.

© 2017. Nikolay I. Gubanov
Tyumen, Russia

© 2017. Nikolay N. Gubanov
Moscow, Russia

THE ROLE OF MENTALITY IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY: SOCIOCULTURAL HYPOTHESIS

Abstract: Category of mentality has additional heuristic capabilities compared to traditional categories of the mental life. Firstly, it serves as an integral characteristic of the uniqueness of the man's mental world, and secondly, ensures an understanding of the specific type of perception of the world by the subject, thirdly, explains the distinct way of subject's activity — his behavior, communication, performance. Since mentality determines the mode of activity of a social group or an individuum, the human activity orientation and its specificity, mentality can be interpreted *as a core of the group and personal culture, as well as a strategic cultural program of the subject*. One of the basic clashes of society is a contradiction between mentality, containing new cultural forms, and the social relations. In the course of the individual cultural creativity development as a response to the multiple challenges of history, new mental characteristics are generated in the mentality of the intellectual elite's representatives. They come up with innovative programs of human being activity — performance, behavior, communication. The new mental characteristics spread in society and become components of group mentalities. This accrued contradiction between the mass mentality and the old social relations generates a constructive tension; overcoming of the tension through the reproductive activity of subjects can establish more progressive social relations. Social inertia and conservatism are in turn intrinsic to the old elements of mentality. They can obstruct the establishment of new social relations. Therefore, mentality is of contradictory nature, embodying the dual opposition of tradition and innovation. At the same time mentality is a stimulating factor of the social progress, and a factor that holds back excessively large and rapid social changes. There are many driving forces of the society development: changes in a way of material production, in the culture in general and in education in particular, in engineering, in science. But the most significant force, apparently, displays the changes in mentality that generate new forms of reproductive activity of the subject in the economic, political, social and mental spheres.

Keywords: mentality; culture; history challenges; sociocultural tension; constructive tension; mentality functions; innovation and tradition.

Information about the authors:

Nikolai I. Gubanov, DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Tyumen State Medical University, Odessa St., 54, 625023 Tyumen, Russia. E-mail: gubanov48@mail.ru

Nikolay N. Gubanov, DSc in Philosophy, Associate Professor, N. E. Bauman Moscow State Technical University, 2nd Bauman St., 5/1, 105005 Moscow, Russia. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Received: October 10, 2016

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Agacci Je. Ideja obshhestva, osnovannogo na znanijah [The idea of a society based on knowledge]. *Voprosy filosofii*, 2012, no 10, pp. 3–19. (In Russian)

- 2 Akopov G. V., Rulina T. K., Privalova V. M. Mentalistika kak istoriko-psihologicheskoe napravlenie nauki [Mentalism as a historical and psychological direction of science]. *Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: Postigajaproshloe, ponimat' nastojashheeipredvidet' budushhee* [History of domestic and global psychological thought: Comprehending the past, understanding the present and anticipating the future]. Moscow, Institut psihologii Publ., 2006, pp. 453–455. (In Russian)
- 3 Ahiezer A. S. *Rossija: kritika istoricheskogo opyta (sociokul'turnaja dinamika Rossii). Teorija i metodologija. Slovar'* [Russia: historical experience of the critic (socio-cultural dynamics of Russia). Theory and Methodology. Dictionary]. Novosibirsk, Sibirskij hronograf Publ., 1998. Vol. II. 595 p. (In Russian)
- 4 Ahiezer A. S. Filosofskie osnovy sociokul'turnoj teorii i metodologii [The philosophical foundations of social and cultural theory and methodology]. *Voprosy filosofii*, 2000, no 9, pp. 29–45. (In Russian)
- 5 Barulin V. S. *Social'no-filosofskaja antropologija. Obshhie nachala social'no-filosofskoj antropologii* [Socio-philosophical anthropology. General principles of social and philosophical anthropology]. Moscow, Onega Publ., 1994. 256 p. (In Russian)
- 6 Vizgin V. P. Mental'nost' [Mentality]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 2001, vol. 2, p. 525. (In Russian)
- 7 Gershunskij B. S. *Mentalitet i obrazovanie* [The mentality and education]. Moscow, Institut prakticheskoy psihologii Publ., 1996. 144 p. (In Russian)
- 8 Gjorder I. G. *Idei k filosofii i storii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of history], translated from the German by A. V. Mihajlov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 705 p. (In Russian)
- 9 Gubanov N. I., Gubanov N. N. Mentalitet: sushhnost' i funkcionirovanie v obshhestve [Mentality: the nature and functioning in society]. *Voprosy filosofii*, 2013, no 2, pp. 22–32. (In Russian)
- 10 Gubanov N. I., Gubanov N. N. Vyzov Apollona i obrazovatel'nyj potencial obshchestva [Call Apollo and educational potential of society]. *Gumanitarnyj vestnik*, 2016, no 4 (42), p. 4. (In Russian)
- 11 Denisov V. V. Politicheskaja kul'tura. Teorija i praktika [Political culture. Theory and practice]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society], 2006, no 1, pp. 19–30. (In Russian)
- 12 Djubi Zh. Istorija mental'nostej [History of mentalities]. *Istorija mental'nostej, istoricheskaja antropologija. Zarubezhnye issledovanija v obzorah i referatah* [The history of mentalities, historical anthropology. Foreign studies in reviews and abstracts], ed. E. M. Mihinoj. Moscow, Institut vseobshchej istorii RAN Publ., 1996, pp. 18–21. (In Russian)
- 13 Emel'kina I. V. *Rossijskij mentalitet: sushhnost', objom ponjatija i social'naja rol'* [Russian mentality: the nature, scope and concept of social role]. Abstract of dissertation doctor of philosophy. Moscow, 2011. 52 p. (In Russian)

- 14 Karmin A. S. Filosofija kul'tury v informacionnom obshhestve: problemy i perspektivy [Philosophy of Culture in information society: problems and prospects]. *Vestnik RFO*, 2005, no 2, pp. 49–62. (In Russian)
- 15 Kijashhenko N. I. Kul'tura grazhdanskogo obshhestva [Civil society Culture]. *Voprosy filosofii*, 2010, no 10, pp. 62–66. (In Russian)
- 16 Naumova T. V. Mentalitet kak bazovaja kategorija v objasneni i osobennostej cennostnogo soznaniya sovremennoj rossijskoj molodjozhi [Mentality as a basic category in explaining the features of value consciousness of modern Russian youth]. *Vestnik MGU. Series 18: Sociology and political science*, 2001, no 1, pp. 65–75. (In Russian)
- 17 Nemirovskij V. G. Massovoe soznanie i bessoznatel'noe kak ob'ekt postneklassicheskoj sociologii [Mass consciousness and the unconscious as an object of sociology post-nonclassical]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2006, no 2, pp. 13–19. (In Russian)
- 18 Orlov O. A. *Jetnopedagogika i jetnopsihologija* [Ethnopedagogics and ethnopsychology]. Available at: http://1987.ucoz.org/index/lekcija_5/0-28 (accessed 04 April 2012). (In Russian)
- 19 Orudzhev Z. M. Sposob myshlenija jepohi i princip apriorizma [The way of thinking of the era and a priori principle]. *Voprosy filosofii*, 2006, no 5, pp. 18–33. (In Russian)
- 20 Pelipenko A. A. Teoreticheskaja kul'turologija v jepohu krizisa kul'tury [Theoretical cultural science in the era of the culture crisis]. *Chelovek* [Human], 2010, no 4, pp. 12–27. (In Russian)
- 21 Simonjan R. H. Faktor ob'ektivnyh uslovij v perehode ot socializma k kapitalizmu [The factor of the objective conditions of the transition from socialism to capitalism]. *Voprosy filosofii*, 2012, no 11, pp. 163–172. (In Russian)
- 22 Stjopin V. S. Kul'tura [Culture]. *Voprosy filosofii*, 1999, no 8, pp. 61–71. (In Russian)
- 23 Stjopin V. S. Filosofija i poisk novyh cennostej civilizacii [Philosophy and the search for new values of civilization]. *Vestnik RFO*, 2005, no 4, pp. 10–24. (In Russian)
- 24 Stjopin V. S. Kul'turologija kak nauka: za i protiv [Cultural science: Pros and Cons]. *Voprosy filosofii*, 2008, no 11, pp. 27–31. (In Russian)
- 25 Fromm Je. *Begstvo ot svobody: Chelovek dlja sebja* [Escape from Freedom: A man for himself]. Translation from English G. F. Hcveynik. Moscow, AST Publ., 2004. 571 p. (In Russian)
- 26 Shevakov M. Ju. *Mentalitet: sushhnost' i osobennosti funkcionirova-nija* [Mentality: the nature and features of functioning]. The dissertation of the PhD in philosophical Sciences. Volgograd, 1994. 21 p. (In Russian)
- 27 Jakovenko I. G. Dialog cherez protivostojanie — faktor rossijskoj istorii [Dialogue through the standoff — a factor of the Russian history]. *Filosofskie nauki*, 2010, no 2, pp. 15–20. (In Russian)